

В ономастической лаборатории Ф. М. Достоевского

© С. А. СКУРИДИНА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются приемы выбора ономастических единиц, наиболее часто встречающиеся на страницах произведений Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: ономастика, оним, антропоним, топоним, Достоевский.

The article considers methods of selection of onyms which used by Dostoevsky.

Key words: onomastics, onym, anthroponym, toponym, Dostoevsky.

В произведениях Ф.М. Достоевского герои, размышляющие о своем имени и фамилии, — нередкое явление. Достаточно вспомнить капитана Лебядкина, желающего называться *Эрнестом* и выступать под фамилией *Монбар*, но вынужденного носить имя *Игнат* и фамилию *Лебядкин*, или Фердыщенко, вопрошающего, можно ли вообще жить с такой фамилией, как у него [1. Т. 10. С. 141].

Подобный интерес героев к собственному именованию обусловлен, конечно же, особым отношением к имени самого писателя. Имя для Достоевского — это продолжение истории семьи, поэтому наречение ребенка — это творческий акт, обязательно отражающий преемственность поколений. Как указывает А.Г. Достоевская, своему младшему сыну Федор Михайлович хотел дать имя Степан «в честь родоначальника рода Достоевских», Степана Ивановича Достоевского, упоминание о котором содержится в литовских документах XVI века [2. С. 214, 276]. В.А. Савостьянова, дочь А.М. Достоевского, вспоминает: «По поводу имени этого нашего первого ребенка — сына, которого мы назвали Андреем, — он нас пожурил... “Не Андреем он должен называться, а Константином, в честь отца мужа. В русском быту так ведется”. — “Но дядя, — возражала я, — ведь его отец умер, а мы дали имя в честь моего отца, который жив”. Он только ласково улыбнулся, но не уступил» [Там же. С. 216].

Несомненно, что у Достоевского было пристрастие к маркированным именам, особенно к именам с определенной семантикой. Подобные имена персонажей кочуют из одного произведения в другое, таким образом, являясь свидетельством постоянных размышлений писателя о важных проблемах истории и современности.

Исследователи творчества Достоевского нередко решают проблему выбора имени писателем, анализируя этимологию имен и отчеств героев. Как известно, в библиотеке писателя был «Календарь для духовенства. Приложение к газете “Церковно-общественный Вестник”» 1873–1878 годов и «Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четых-Миней, по месяцам в 12 книгах» 1860–1861 годов [3]. Несомненно, что Достоевский знал толкования личных имен даже без обращения к подобного рода изданиям: для образованных людей знание древнегреческого языка и латыни было нормой.

Рассматривая ономастические приемы творческой лаборатории Достоевского, необходимо обратиться к окружению писателя, так как во многих произведениях можно встретить героев с фамилиями и именами его современников, которые были ему знакомы или о которых он был наслышан.

Например, бывая в детстве в доме своей тетки А.Ф. Куманиной, Достоевский мог слышать фамилию управляющего московской конторы Государственного Коммерческого банка Е.Г. Рогожина и имя его жены Настасьи Филипповны. Так реальные онимы, переосмысленные писателем, вошли в роман «Идиот», где получили символическое значение.

Другим излюбленным приемом Достоевского является языковая игра, например, фамилия *Рутеншпиц* созвучна известному в то время слову *шпицрутен* – из нем. *Spießrutenlaufen*: *Spiess* – «копье, пика» и *Rute* – «хлыст». Как указывает В.П. Владимирцев, «простейшее каламбурное анаграммное преобразование фамильного слова «Рутеншпиц» дает печально известное и страшное в кнutoбойной России слово “шпицрутен” (с немецкого: орудие телесных наказаний)» [4]. Интересны с точки зрения семантики практически все иностранные имена. Например, мальц-экстракт Гоффа в романе «Братья Карамазовы» оправдал надежду черта вылечиться от насморка: *Hoffen* – «надеяться» [Т. 15. С. 76].

Характерен для творчества Достоевского прием именования персонажа через соотнесение с тождественным именованиeм, употребляемым в фольклорных текстах: пословицах, поговорках, загадках, сказках. Фамилия *Лебядкина* отсылает к фольклорному образу невесты – белой лебедушки.

Вводя в свои произведения семантически значимые ономастические единицы, Достоевский раскрывает их значение уже в романе. Так, фамилия *Карамазов* имеет в тексте эквивалент *Черномазов*. Интересно, что, используя фамилии со значимой основой, Достоевский придает своим

героям черты, диктуемые фамилией. Например, в романе «Бесы» у губернатора Лембке (*lamb* англ.— «барашек, баран») «бараний взгляд» [Т. 10. С. 275], «бараны глаза» [Т. 10. С. 48], у Лебядкиной «длинная и сухая шея» и выбеленное лицо — чем не сказочная царевна Лебедь? [Т. 10. С. 215].

В связи с фамилией *Лебядкина* необходимо отметить особую тягу Достоевского к орнитоморфным онимам: Иволгины, Лебедевы, Снегиревы, Лебядкины, Дроздовы — этот ряд можно продолжать. По мнению М.С. Альтмана, данный прием обусловлен исторически: во время создания великого пятикнижия в Петербурге были известны денежные дельцы с птичьими фамилиями — Воронин и Утин [5]. На наш взгляд, подобные фамилии выполняют несколько функций, например, указывают на незнатное происхождение героев (Птицын, Лебедев и др.), являются своеобразным знаком героев, противоположных автору по нравственным взглядам. Излюбленный вопрос Достоевского «ты что за птица?» герои задают, пытаясь разобраться в человеческой сущности: «Да ты что за птица такая?» — вскричал он вдруг, покрасневшись. — «То и есть, что птица!» — «Какая?» — «Такая». — «Какая такая?» — «Да уж одно слово такая». — «Да какая?»» [Т. 4.С. 23]. Приведенная выше сцена из «Записок из Мертвого дома», полностью соответствующая сцене, внесенной Достоевским в Сибирскую тетрадь, возникает и в романе «Бесы»: «Во-первых, сама ты что за птица?» — спрашивает Варвара Петровна Ставрогина Софью Матвеевну [Т. 10.С. 502] и далее сама же отвечает на свой вопрос: «Об уме его не такой вороне, как ты, судить» [Т. 10. С. 503]. Птичьи именованья способствуют формированию сквозных мотивов, являющихся текстообразующими для каждого произведения, но и объединяющими романы Достоевского в единый текст, что обусловлено легкой «прочитаемостью» и ассоциативностью антропоморфных антропонимов.

Достоевским используются онимы, значение которых объясняется вызываемыми ассоциациями, например, антропоним хроникера романа «Бесы» — *Антон Лаврентьевич Г-в* — ставит героя в один ряд с летописцами благодаря ассоциативной связи отчества с именем автора одного из списков «Повести временных лет» — монаха Лаврентия. Неслучайно использование имени в качестве отчества: так Достоевский выразил не только идею преемственности, но и отнес события, произошедшие в уездном городке, к числу исторически важных государственных событий [6].

Как верно замечает Б.Н. Тихомиров, у Достоевского «семантическая конфликтность имени и фамилии персонажа выражает столкновение, борьбу противоположных начал внутри героя» [7]. Подобный прием легко обнаруживается в антропониме Лев Мышкин, Родион Раскольников, Алексей Карамазов.

Многие исследователи творчества Достоевского занимаются поиском прототипов героев с целью объяснения их фамилии, хотя это не всегда оправданно, так как писатель чаще заменял фамилию прототипа или

творчески переосмысливал ее. Последнее можно наблюдать относительно фамилии губернатора в романе «Бесы». Как указывает М.С. Альтман, прототипами четы Лембке стали тверской губернатор П.Т. Баранов и его жена. Русская фамилия заменена писателем на иностранную с сохранением семантического значения [8].

Другим приемом, связанным с переосмыслением фамилии прототипа, является использование ассоциаций, вызываемых фамилией прототипа. Например, для характеристики Шигалева часто используются эпитеты вислоухий, длинноухий, что связано с фамилией его прототипа – В.А. Зайцева.

Небезынтересно обратиться к топонимам, встречающимся в произведениях Достоевского. Реальные макротопонимы вводятся писателем без изменений, но в тексте приобретают символическое значение. Микротопонимы нередко зашифровываются, но благодаря сохранению начальной буквы и наличию грамматических признаков остаются узнаваемыми. В топониме *Т.* в романе «Бесы» легко узнается Тверь времен пребывания там писателя. Улицы и мосты, упоминаемые в романе «Преступление и наказание» и обозначенные одной буквой или буквенным сочетанием, также известны читателю, знакомому с топографией Петербурга.

Вымышленные топонимы в творчестве Достоевского, начиная с названия *Рулетенбург* в повести «Игрок» [Т. 5. С. 208], обязательно связаны с антропонимической системой того произведения, в котором они появляются. В романе «Бесы» большинство героев «летает». Именно этот глагол используется для обозначения каких-либо передвижений Липутина, Шатова, Ставрогина, Лембке, Петра Степановича Верховенского, Лизы, Марьи Тимофеевны и ее брата. В романе нет тишины, повсюду шум, как будто бы птичий гвалт, да и многие герои с «птичьими» фамилиями: Дроздовы, Лебядкины, Гаганов. «Птенцами» хроникер называет Ставрогина и Верховенского, птенцом является и Шатов, который «с год тому назад вернулся <...> в родное гнездо» [Т. 10. С. 27]. Для бесовского гнезда, которым является усадьба Ставрогиных, Достоевский выбирает вполне подходящее название – *Скворешники*, соотнеся метафорически такую особенность скворцов, как бестолковую подражательность, с поведением легковнушаемых соучастников убийства Шатова.

Несомненна связь топонима *Скотопригоньевск* с именованием персонажей романа «Братья Карамазовы»: «поросюточками» называет своих детей Федор Павлович Карамазов [Т. 14. С. 125], «поросенком» величает Черт и самого Федора Павловича [Т. 14. С. 88], его побочный сын, лакей Смердяков, также подается Достоевским в «скотском обличье»: он и вол, и ослица, и «передовое мясо», и «болезненная курица» [Т. 14. С. 119, 91, 121, 122, 428]. Проблема превращения человека в животное, затронутая писателем уже в романе «Бесы» в человеконенавистнической теории Шигалева, считающего, что люди «должны потерять личность и обратиться

вроде как в стадо» [Т. 10.С. 312], рассматривается в последнем романе Достоевского как катастрофическая неизбежность.

Как видим, Достоевский использовал разнообразные ономастические приемы. Очевидным является то, что они переходят из одного произведения в другое, представляя собой авторскую ономастическую систему.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Далее указ. только том и стр.
2. *Достоевская А.Г.* Записная книжка 1881 года // *Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников.* СПб., 1993.
3. *Гроссман Л.П.* Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М., 1923.С. 43.
4. *Владимирицев В.П.* Немецкая тема в «петербургской поэме» Ф.М. Достоевского «Двойник» // *Три века русской литературы: Межвуз. сб. науч. тр.* М. – Иркутск, 2004. Вып. 9. С. 176–182.
5. *Альтман М.С.* По вехам имен. Саратов, 1975. С. 73.
6. *Скуридина С.А.* Именование хроникера в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // *Русская речь.* 2017. № 2. С. 10–13.
7. *Тихомиров Б.Н.* Почему Родион Раскольников? // *Русская речь.* 1986. № 2. С. 36.
8. *Альтман М.С.* Этюды о романе Достоевского «Бесы» // *Прометей.* М., 1975. № 5. С. 442–447.

Воронежский государственный технический университет